

Валентина Лызлова

ПРОСТО ЖИТЬ

Рассказы

Валентина Лызлова
Просто жить. Рассказы

«Издательские решения»

Лызлова В.

Просто жить. Рассказы / В. Лызлова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835146-4

Герои рассказов — простые люди. Их души, распахнутые настежь, впитывают в полной мере то, что предлагает жизнь, в которой у каждого своё место, свои радости, свои проблемы. Но все они понимают главное: нет на свете счастья выше, чем просто жить! Книга рассчитана и на взрослых, и на детей.

ISBN 978-5-44-835146-4

© Лызлова В.
© Издательские решения

Содержание

Читая эту книгу	6
Пробуждение	7
Проветрился	8
Материнский инстинкт	13
Нечеловеческая боль	16
Солдатская вдова	22
Марсианка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Просто жить
Рассказы
Валентина Лызлова

© Валентина Лызлова, 2016

ISBN 978-5-4483-5146-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Читая эту книгу

понимаешь, что русский язык не только «велик и могуч», но и «коварен». Скажешь или напишешь два слова в одном порядке – получишь один смысл. Переставишь местами – и он меняется совершенно. Когда слышишь – «жить просто», то сразу понимаешь, что это означает отсутствие сложностей, невзгод и прочих неурядиц. Идешь себе через поле и идешь, и ни кочки, ни ямки на пути. А вот поменяешь порядок, и те же слова несут другой смысл. Просто жить – уже философия. Не усложнять и не упрощать. Спотыкаться, делать выводы и идти дальше. И среди вороха неизбежных повседневных проблем находить время познавать мир самому, забираясь в глухие волчьи места и наблюдая за утиной кладкой на скале. Помогать в этом нелёгком, но от того не менее интересном занятии – познании – любопытным Павлику и Алёнке. Объяснять, почему речка «сухая», почему надо уметь делать многое своими руками. Но самое главное – учить понимать и ценить мир вокруг. И одновременно с доброй усмешкой, покачивая головой – вот, мол, дают – смотреть, как чудят «старики-разбойники». Общаться с «марсианкой», удивляться вполне человеческим чувствам братьев наших меньших. А ведь это и есть жизнь. И все просто живут. Как могут, как умеют. Оставляя после себя добрый след на этой земле.

С. Ю. Рулёв

Член Союза писателей России

Пробуждение

Стою на краю скалы... оступаюсь... лечу в бездну. Сейчас закричу... не успеваю. Сквозь сон ощущаю, что моей щеке становится тепло. И сразу – ромашки, тёплый ветерок. Кто-то невидимый отрывает один за другим белые лепестки. Они летят, играя с ветром, и каждый шепчет: люблю... люблю... так много любви! Щеке становится горячее. Это мама! Она пришла меня будить и, как обычно, гладит тёплой рукой моё лицо.

Но вдруг в сон вкрадывается реальность: этого не может быть! Мамы нет рядом, она – там, на небесах. Просто она послала на землю ангела, чтобы спасти меня. Он успел подхватить и вынес меня на своих крыльях из ада в рай. Но почему вместо нежного пения райских птичек я вдруг слышу грубое «ку-ка-ре-ку!»?

Чуть приоткрываю глаза, обвожу взглядом комнату. Пучки сухих трав на стене. Печка, совсем не похожая на нашу. Около неё на верёвке – мои брюки и свитер. Смотрю дальше. Всё незнакомое, кроме моей одежды. Это сон или явь? Плотно зажмуриваю глаза. Может быть, сейчас узнаю, где нахожусь.

И вдруг – опять «ку-ка-ре-ку!». На этот раз ближе и громче. Это уже мало похоже на сон. Это из реальной жизни, такое привычное и хорошо знакомое. Снова открываю глаза. Прислушиваюсь. В доме никого, только комар назойливо пищит. За окном поют птицы, уж точно не райские...

Скидываю одеяло, сажусь. На подушке, где только что лежала моя голова, играет солнечный лучик. Так вот кто грел щеку! Выглядываю в окно. По двору важно ходит петух. Вот он расправляет крылья – и сейчас снова прозвучит его побудка. До конца окунаюсь в реальность. Память услужливо подкидывает события вчерашнего дня. Поход за грибами... блуждание по лесу... гроза... ливень... дом лесника. А где же он сам?

Одеваюсь, выхожу на крыльцо. Вижу капельки влаги на траве, которые ветерок усердно сбрасывает на землю. Посвежавшие, омытые вчерашним дождём деревья. Воздух ещё влажный, но уже тёплый. По кустам рассеиваются остатки тумана. И солнце! Оно начинает заниматься своими привычными делами: обсушить, обогреть, обласкать... Благодать-то какая! Здравствуй, утро!

А вот и лесник показался, торопится к дому с банкой молока в руках. Здравствуй, Игнатич! Здравствуй, новый день! Пусть всё здравствует в этом мире! Он чудесен! Какое же это счастье – просто жить! Разве этого мало?!

2012 г.

Проветрился

Вечерело. Солнце плавно катилось к закату, разливая по небу розовые краски. Скоро заденет верхушки елей и скроется за стеной леса. Станет прохладно, август всё-таки. Егор и Анна Собинские собирались на прогулку к таксофону. Обычно в это время они звонили детям, которые жили в городе. Неожиданно послышался гул мотора. К перекату ниже деревни подъезжала лодка, в которой было два человека. Егор с крыльца наблюдал за ней. По тому, как лодки проходят эту мель, можно сразу определить, местные едут или чужие.

– Не знают фарватера, – сказал Егор, произнося иностранное слово мягко, на русский манер. – Чужие, однако, ётторагать. И чего ездят, всю рыбу уж выловили.

– Да проветриваются, отдохнуть тоже надо, – осаждала мужа Анна.

– И то верно, от работы кони дохнут.

– Вот-вот, и я о том же. Только ты отдыха себе не даёшь. Совсем уже высох.

– У меня порода такая, сама знаешь.

Анна знала. На вид они были совсем неподходящей друг другу парой. Но, видимо, судьбе так было угодно, чтобы они соединились. И тут уж её, эту судьбу, никак не назовёшь злодейкой. Муж смолоду был невысокого росточка, кое-кто в деревне даже называл его «недомерком». Егор не обижался. С присущим ему чувством юмора он отшучивался:

– Мал золотник, да дорог. Русская пословица зря не скажет. Вон Наполеон, тоже был от горшка два вершка, а на весь мир замахнулся, правда, закончил плохо. Ничего, я вас ещё удивлю.

И удивил. Когда он уходил в армию, Анне было пятнадцать, никто её всерьёз и не воспринимал. Девчонка как девчонка, худенькая, голенастая, на носу смешные конопушки. Одно слово – Нюрка. Но природа вернула ей всё, что недодала. И к возвращению Егора она расцвела, приобрела женственные формы и стала завидной невестой. Увидев Анну, парень сразу присох к ней. Друзья, которые сами увивались за девушкой, говорили Егору:

– И не мечтай, куда тебе до неё! Она на полголовы выше тебя, как с ней управляться будешь? На руках даже не поносишь.

Но Егор не обращал на эти слова никакого внимания и настойчиво добивался благосклонности Анны. А та артачилась, сознавая своё превосходство над другими сельскими невестами. Шутя, она отнекивалась от всех предложений Егора, однако, и другим не оказывала никаких знаков внимания. Но, как известно, капля камень точит. Неожиданно Анна дала согласие на свадьбу. Народ недоумевал: что же такое должно было произойти, чтобы она выбрала себе в мужья «недомерка»? Вон сколько красавцев осталось в стороне!

А ничего и не произошло. Просто, глядя на своих родителей, которые жили душа в душу, Анна определила для себя, что главное в семейной жизни для женщины – надёжность. Вот её-то она и разглядела в Егоре. И не ошиблась. Все эти годы прожила, как у Христа за пазухой. И любовь пришла, и дети родились. Правда, и себя не жалела. Была из тех, про которых известный поэт сказал: «Есть женщины в русских селеньях...». Егор берёт свою жену и любил так же, как раньше, в шутку объясняя это тем, что она дорого ему досталась. На руках, правда, не носил, по известным причинам. Зато Анна однажды приволокла его домой на себе. Тогда на свадьбе племянша Егор, по его собственному выражению, «перешёл границу, и ноги ушли в отказ». Несколько дней он не мог смотреть жене в глаза и считал этот случай позором своей жизни.

Уже потом, глядя на их ладную жизнь, никто из сельчан не думал о том, что они не пара, хотя с годами Егор становился сухоньким, лёгким и несколько смешно смотрелся рядом с дородной женой. «Стаптываюсь потихоньку, как старые валенки», – говорил он о себе шутя.

И сейчас Анна с теплотой посмотрела на мужа. Он, и в самом деле, отдыхать не умеет, живёт, как заведённый. За день может переделать сотню дел, без которых невозможна жизнь в деревне. Вымотается «до чёртиков», а вечером скажет:

– Устал, как собака, а ничего полезного, вроде, и не сделал, ётторагать.

Дюралка между тем причалила к берегу. Рядом с их деревянной лодкой она смотрелась нелепо.

– Тьфу, не лодка, а обрубок какой-то, – сплюнул Егор, – грохочет, ровно пустая консервная банка.

Не любил он металлические лодки. То ли дело деревянная! Изящная, тёплая, летит, как стрела, особенно под новым мотором. Лет пять назад пошла мода на импортных «коней». Поднатужившись, односельчане потихоньку покупали разные «Меркурии», «Сюзюки», «Тосибы», как они их называли. Егор держался дольше всех, хотя сын одним из первых стал уговаривать отца обновить технику, обещая помочь с наличностью. Но Егор, прикипевший душой к своему «Ветерку», неизменно отвечал:

– Тише едешь – больше видишь. Меня и мой «Ветерок» устраивает. Конь надёжный!

Но этот «конь» тоже старел, как и всё в этой жизни. Без конца нужны были новые запчасти. И однажды сын, которому надоела эта маета, привёз новый мотор и сказал:

– Вот, владей на здоровье, про деньги не думай, считай, что я для себя купил, а ты будешь возить своих детей и внуков.

Уже потом Егор сам себе удивлялся: как же быстро привыкаешь к хорошему! Сезон отъездил, а в нутро мотора ни разу не заглянул. Работает, как часы. А «Ветерок», его бывший надёжный друг, теперь сиротливо лежал в гараже.

Приезжие, сидя в лодке, о чём-то тихо переговаривались. Наконец, видимо, что-то решили, и один из них стал подниматься к дому Собинских. Это был молодой парень. Поздоровавшись, он спросил:

– Что, не узнаете?

– На личность, вроде, знакомый, а вот имя твоё сказать тебе не могу, – ответил Егор, который, честно говоря, никак не узнал парня. Вот только признаться в этом было неудобно. Лицо гостя покраснелось, и не только солнце было в этом виновато. Даже на расстоянии чувствовался запах водочного перегара.

– Серёга я. Работаю с вашим сыном. Помните, однажды подвозил вас к поезду, когда Михаил был на работе? Наслышаны про ваши края, видели фотографии. Захотелось нам с отцом посмотреть на здешнюю красоту, порыбачить.

– Так вода, ётторагать, после дождей прибыла. Какая рыбалка? Разве что сетки поставить.

– Сетки есть, да вот не знаем, где их ставить. Поднимемся выше, разобьём палатку, а потом будем соображать дальше.

Егор спустился с Серёгой к лодке и, как мог, объяснил, где можно остановиться и посадить сети. По всему было видно, что приезжие ничего не поняли. Да и как понять все эти детали человеку, совершенно не знающему реки! Но, тем не менее, отец с сыном поблагодарили за советы, и вскоре лодка скрылась за поворотом. Поднявшись к дому, Егор, почесав затылок, сказал Анне:

– Как-то нехорошо получилось, ётторагать. Тогда парень в городе выручил нас, а мы вот, вроде как, не захотели им помочь.

Анна тоже испытывала чувство неловкости за то, что не пригласили ночевать или, на худой конец, не напоили гостей чаем.

– Знаешь, что, – сказала она, – Догони, помоги им, а детям я сама позвоню.

Егор облегчённо вздохнул, и вскоре лодка уже мчалась вверх по реке. Прошёл час. Понимая, что возня с сетями – дело небыстрое, Анна не беспокоилась. Но часа через два ощутила в душе какую-то тревогу. Пора бы уже быть мужу дома. Темно стало. Делать на реке нечего. Она

всё время прислушивалась, надеясь услышать гул мотора. Однако вечернюю тишину ничто не нарушало. Пробовала смотреть фильм по телевизору, но тревожные мысли не давали сосредоточиться. Вдруг Егор на скорости налетел на что-нибудь? Когда ездили вдвоём, Анна приструнивала мужа, не давая ему прибавлять скорости до предела. Но это было так соблазнительно, что Егор, нет-нет, да и добавлял «газу до отказа». Лодку начинало слегка водить из стороны в сторону, и Анна, пугаясь, обеими руками хваталась за борта. Перекат на перекаате, коряги на дне – всё это было чревато при такой скорости.

Вскоре замолчала деревенская электростанция, и всё погрузилось в темень. Была ещё какая-то смутная надежда на то, что, Егор, зная реку, как свои пять пальцев, сможет и при темноте добраться до дома, хотя бы на вёслах. Напрягая слух до предела, Анна ждала, надеясь услышать шум на реке. Но в деревне по-прежнему стояла полная тишина. Изредка какая-то собака подавала голос и тут же замолкала.

Керосиновая лампа изредка потрескивала. Время, казалось, стояло на месте. Ни лежать, ни сидеть Анна уже не могла, находиться одной дома было невозможно. Она оделась и, взяв фонарик, вышла на улицу. Ноги сами понесли её на берег реки. Ни в одном из домов в окнах не было света. Деревня погрузилась в сон. Женщина направила луч фонарика вверх по реке, затем вниз. Она понимала, что это бесполезно, но надо было что-то делать, чтобы не оцепенеть от страха. Тревожить людей, только недавно уснувших, она не могла себе позволить. Да и что толку! Надо ждать рассвета.

Наконец небо слегка посерело. Послышался звук звякнувшего где-то подойника. На часах было четыре утра. У соседей заворчали собаки, значит, проснулись. Измотанная страхом и ожиданием, Анна поспешила к ним. Василий, взглянув на соседку, сказал:

– Если б не знал тебя, подумал бы, что с похмелья.

– Не до шуток мне. Егор уехал с вечера и до сих пор не вернулся. Может, случилось что?

– То-то, я гляжу, лодки вашей нет, а мотора ещё не было слышно. Как-то непонятно...

Анна, уже не сдерживая нахлынувших слёз, рассказала, что произошло. Василий молча оделся и сказал:

– Поехали. Сейчас всё выясним.

Ехать далеко не пришлось. Обогнув три поворота, они увидели лодку Егора, уткнувшуюся в берег. Она мирно соседствовала с дюральной. От накатившей волны обе покачались в такт, как лучшие подружки.

Анна быстро пробежала по гальке и взобралась на высокий берег. Картина, открывшаяся ей, была достойна описания. Никакой палатки и в помине не было. Ближе к краю берега расположилось кострище, вокруг которого валялись пустые бутылки, консервные банки и прочий мусор. Чуть поодаль лежали два человека в спальных мешках. К тому, что был покрупнее, сиротливо приткнулся Егор. Он примостился на туристском коврикe, с головой накрывшись тонким одеялом, из-под которого торчали знакомые сапоги. Анна присмотрелась: слава богу, дышит! Она подошла и легонько постучала ногой по сапогам. Ответная реакция была неожиданной. Сапоги вдруг приподнялись над землёй и два раза стукнули друг о дружку, словно говоря: «При-вет!».

– Ах, он ещё и шутит, ётторагать! – возмутилась про себя Анна, даже не заметив, что впервые в жизни употребила любимое ругательство мужа. Она сдёрнула одеяло с головы мужа. Комары сразу же ринулись в атаку на разгорячённое лицо. Егор инстинктивно хотел снова прикрыться, но его глаза вдруг расширились. Он, не мигая, смотрел на Анну, как на видение, невесть откуда взявшееся. Наконец, до него дошло, что это не сон, перед ним действительно его законная жена. Он сел и обхватил голову руками.

– Ну что, хорошо проветрился? Может, теперь и жить тут будешь? – спросила Анна. После её слов из большого спальника высунулась голова, которая быстро скрылась обратно, успев, однако, пробормотать:

– О, тяжёлая артиллерия прибыла...

Анна рывком поставила мужа на ноги и подтолкнула его по направлению к лодке. Василий, который оставался внизу, наблюдал всю эту картину и посмеивался в усы:

– Тёпленьким взяли!

Сам он напроочь раздружился с зелёным змием после того, как однажды чуть не утонул по пьяному делу.

Егор, идя впереди Анны, пытался что-то говорить:

– Нюр, ты чего меня, как телёнка, гонишь? И зачем приехала? Я бы проспался и сам вернулся. Ничего страшного не случилось же! Сама говорила, что отдохнуть надо. Вот я и того... проветрился...

– А ты не хочешь узнать, как я провела эту ночь? Чего мне стоило твоё проветривание?

– Да я всё понимаю. С сетками допоздна возились, темно стало, – оправдывался Егор. – Ну, мужики решили отблагодарить меня. Сам не понимаю, как отключился. Да и выпил-то я всего ничего, просто у меня масса тела маленькая...

– Знаю, тебе и понюхать хватит, – отрезала Анна.

– Зря ты так, люди они хорошие.

– Конечно, они хорошие... это видно... по количеству бутылок.

Поняв, что с разгневанной Анной ему не сладить, Егор замолчал. Лучше подумать, как заглядить свою вину. Лодку он вёл, как никогда, осторожно. Хоть этим заработать себе первый «плюсик»! Василий ехал сзади, не пытаясь обогнать Егора. Он знал: десять молчаливых минут езды до дома – это начало примирения соседей. Муж жив и невредим, Анна отходчива, так что всё будет в порядке.

Причалив к берегу, Егор наклонился, чтобы выкинуть якорь из лодки, а выпрямиться уже не смог. Спину скрутило так, что он застонал. Анна с Василием с трудом дотащили его до дома и уложили в кровать.

– Вот тебе и расплата за «удовольствие». Полежал на холодной земле – теперь полежишь в кровати, – не удержалась Анна.

Это были последние слова, которые она сказала Егору сегодня. Дальше она всё делала молча: натёрла мужу спину какой-то вонючей мазью, принесла дров и воды, накормила пса. Пока жена управлялась с домашними делами, Егор незаметно для себя уснул.

Проснулся под вечер, почувствовав на себе что-то тяжёлое. Это кот Кузя, улёгшись на больное место, лечил спину хозяина. За окнами смеркалось. Дизелист Володя уже завёл электростанцию. Скосив глаза, Егор обвёл взглядом комнату. Всё было таким родным и обычным. Дом дышал теплом, потихоньку работал телевизор, из кухни доносились вкусные запахи. Анна сидела на диване и смотрела какой-то фильм. По тому, как жена глядела на экран, не проявляя никаких эмоций, Егор понял, что она далека от происходящего там. Просто сидит и о чём-то думает. Он не стал выдавать себя, лежал тихо и смотрел на женщину, с которой прожил всю жизнь. К горлу подкатил комок. Вина перед Анной была готова пролиться слезами. Мужики, они ведь тоже плачут иногда.

Это был непривычно тихий вечер. Два родных человека дышали в одной комнате и молчали. Но это молчание было дороже того золота, о котором говорит пословица. Их сокровенные мысли были об одном и том же. Они никогда не говорили об этом друг другу вслух. Анна думала о том, что ночью испытала страх не только за мужа, но и за себя. Почему-то сегодня она острее и отчётливее, чем всегда, поняла, что боится остаться в этой жизни одна. Она не представляла себе жизни без мужа. Конечно, есть дети, которые не бросят её. Но у них своя жизнь, свои проблемы и радости. Они никогда не поймут её так, как понимал Егор. Не зря говорят, что супруги, прожившие всю жизнь вместе, и мыслят одинаково, и даже внешне становятся похожими друг на друга. Две половинки одного целого... и это не пустые слова, а самая, что ни на есть, правда жизни.

Егор, продолжая лежать тихо, думал о том, что впереди остался меньший кусок жизни. Кто знает, сколькими годами он будет отмерен! Может, сегодняшняя ночь отняла у Анны несколько лет из того, что осталось. И в этом виноват он. Если случится в жизни самое страшное, что он будет делать без неё, без своей Нюры? И жить будет незачем. Старый дурак! Ведь всё очень просто: сейчас надо беречь друг друга ещё сильнее, чем прежде! Как же загладить теперь свою вину?

Егор и не подозревал, что Анна давно простила его. Ещё там, возле костра, когда поняла, что ничего страшного не случилось. А что сначала фыркала, а потом молчала, так это так, для острастки... в качестве профилактики на будущее.

2013 г.

Материнский инстинкт

Собака, не оглядываясь, бежала по колее, проложенной снегоходами. Сзади доносился зов хозяина: «Найда, вернись! Домой!» Этот крик будто подстегнул собаку. Она побежала ещё быстрее, словно боялась, что её догонят и снова посадят на цепь. Сегодня утром разорвался старый ошейник, и Найда неожиданно оказалась на свободе. Она знала, куда и зачем бежит. Материнский инстинкт гнал собаку в соседнюю деревню, в которой остался её маленький щенок по кличке Северок.

Когда-то Иван подобрал Найду на дороге. Тогда он отвёз погостивших в деревне детей к поезду и возвращался обратно. В зеркале заднего вида вдруг увидел, что за автомобилем кто-то бежит. Интересно, кто его так настойчиво преследует? Он остановился и открыл дверь. К машине подбежал щенок с обрывком верёвки на шее. Ему было от роду 4—5 месяцев. Глаз опытного охотника сразу выхватил внешнюю характеристику «преследователя»: слегка вытянутая мордочка, голубые глазёнки, стоячие ушки, широковатая грудка и хвостик колечком. По всем этим признакам и характерному окрасу Иван распознал в щенке охотничью породу хаски.

Непрощеный гость ловко прошмыгнул в машину и улёгся на заднем сидении. Закрыв глаза, он тут же заснул. Ведя машину, Иван размышлял: как мог оказаться этот малыш на пустынной, в общем-то, трассе? Ясно, что верёвку он перегрыз сам, но что обозначал этот обрывок на шее? Хороший хозяин надел бы на собаку ошейник. А может быть, он понадеялся, что верёвки в данном случае будет достаточно? Или у кого-то не хватило решимости погубить щенка, и он привязал беднягу к дереву в надежде, что тот сам погибнет? И такие случаи бывают. Но собака, опять же, породистая, такую зря не заведут. Запутавшись в этих мыслях, Иван отогнал их прочь. Причин могло быть много.

Беглец по-прежнему спал. Видимо, сильно устал, плутая по «усам» дороги, пока шум машины не заставил его выбежать на трассу. Надо сказать, что маленький пассажир сразу чем-то приглянулся Ивану. Чутьё опытного таёжника подсказывало, что из этого щенка может получиться хороший помощник в охотничьем деле. Он решил оставить найдёныша у себя, тем более, что его собака Тайга недавно, погнавшись за дичью, сгинула в болоте. Наверное, угодила в трясины. Так что живая находка оказалась весьма кстати.

Перед деревней щенок проснулся и заскулил, вероятно, был голоден. Из съестных запасов нашлась только одна шоколадка, которую «по-братски» поделили. Поев, щенок успокоился. Вот так и появился ещё один «член семьи», который оказался женского рода, поэтому по обоюдному согласию его назвали Найдой. Иван не ошибся в своих предположениях: той же осенью собака облаяла первого глухаря.

С весны и до наступления зимы Найда жила вместе с хозяевами. А когда они уезжали в город, её оставляли у родственников в соседней деревне. Зачем обрезать охотничью собаку на мучения в городской квартире? Пока хозяев не было, Найда рожала щенят, которых разбирали охотники близлежащих деревень и посёлков. Она довольно быстро привыкала к расставанию со своими детёнышами.

Но в этот раз всё оказалось по-другому. Когда хозяева приехали из города, Северка ещё не успели отдать новому владельцу. Он весело крутился возле матери, пытаясь обхватить её морду лапами, цеплялся за хвост. Мать с удовольствием отвечала на эту игру. Видя такую идиллию, Иван заикнулся было о том, что заберёт обеих собак. Уж больно хорош Северок! Но человек, которому обещали щенка, на днях должен был приехать за ним. Найду с трудом заманили в сани снегохода. По дороге домой она несколько раз порывалась выпрыгнуть и вернуться к щенку, но цепь, прикреплённая к перекладине санного днища, крепко держала её. Пробежав несколько метров, собака вынуждена была снова заскакать на место.

Первое время Найда плохо ела, смотрела на хозяина грустными глазами, и ему виделся в них упрёк. Она часто выла, повернувшись в ту сторону, где остался Северок. Жена Ивана Алевтина в эти дни часто подходила к собаке и гладила её, уговаривая потерпеть и успокоиться. Раньше Найда очень любила эти минуты. Если её переставали гладить, собака, прося продолжения ласки, тыкалась мордой, стараясь приподнять руки хозяйки. Но теперь она, не реагируя ни на что, продолжала лежать, с тоской глядя на Алевтину, словно просила: «Ты ведь тоже мать, помоги».

Через некоторое время всё будто бы встало на свои места. Найда понемножку начала есть, откликаться на ласку. Но так только казалось. Материнская тоска всё это время жила в ней, а выхода не было. И, видимо, само провидение послало ей удачу. Теперь она бежала, больше всего на свете желая быстрее увидеть своего щенка, облизать его и быть рядом, оберегая и защищая своё дитя. Может быть, Северок был её последней отрадой. По собачьим меркам ей было уже одиннадцать лет, а в переводе на «человеческую» арифметику – все семьдесят!

Найда бежала, совсем не чувствуя усталости. В одном месте колея свернула с реки в лес. На пушистом снегу чётко отпечатались заячьи следы. Собака остановилась, раздумывая. В ней боролись два инстинкта – охотничий и материнский. Но что на свете может быть сильнее всепобеждающей любви к своему детёнышу! Вспомнив о щенке, Найда ещё быстрее побежала вперёд. Она как будто боялась потерять драгоценные для неё минуты. А вдруг именно в это время что-то изменится в худшую сторону, и она уже никогда не увидит своё дитя? Больше она не обращала внимания ни на какие следы.

За поворотом реки показалась деревня. Двадцать километров были позади. Вздуроражив всех местных собак, Найда добежала до знакомой будки. Щенок был привязан. Он лежал внутри, дрожа от холода, и сиротливо глядел на улицу. Увидев мать, он выскочил, запрыгал, радостно залаял. Найда облизала его и залезла в будку. Теперь, когда её желание исполнилось, она почувствовала голод и страшную усталость. Северок прижался к матери, отчего ему сразу стало тепло и уютно. Найда временами проваливалась в сон, но осторожность заставляла её тут же очнуться и снова прислушиваться к любому шуму.

Вскоре щенку принесли еду. Понимая, что её поймут и опять посадят на цепь, Найда выскочила из будки и стояла поодаль. Сколько её ни звали, чем только ни приманивали – всё было бесполезно. Собака упорно отбегала подальше от будки. Лишь когда все ушли, она доела за щенком остатки еды и залезла с ним в конуру. Северок безмятежно спал, а мать прислушивалась, готовая в случае опасности выскочить и занять свою позицию. Страшнее всего было то, что её могут отправить домой без щенка.

Так продолжалось два дня. Найда пыталась освободить своё дитя, но ничего не могла сделать. Цепь оказалась крепкой и была надёжно прикреплена к стене сарая, возле которого стояла будка. В отчаянии собака несколько раз в день прибегала на берег реки и протяжно выла, повернувшись в сторону дома. Она как будто звала своего хозяина на помощь.

А Иван тем временем лежал в постели и лечил свой застарелый радикулит. Надо же, как некстати прихватило! На третий день, почувствовав облегчение, он решил поехать за собакой. Алевтина, провожая мужа, сказала:

– Если щенка ещё не отдали, вези домой обоих. Нет сил смотреть, как собака мается.

Муж согласно кивнул. Он уже принял для себя такое решение и даже бросил в сани снегохода старую шубу, чтобы укутать щенка. Чувство вины за то, что тогда не забрал домой обеих собак, давило на него. Он и думать не хотел о том, что будет, если щенка уже отдали новому хозяину.

Родственник, увидев Ивана, обрадовался:

– Ну, слава богу, приехал. Мы уж тут все испереживались. А главное дело, поняли, что нельзя разлучать Найду со щенком. Вот ведь как всё в природе устроено: и собака любит своё

дитя, оказывается, так же сильно, как женщина – ребёнок. Материнский инстинкт, понимаешь! Нам, мужикам, это неведомо. Что делать-то будешь?

– А что тут думать? Заберу обоих. Одна собака – хорошо, а две – лучше. Сразу нужно было так сделать. Вы уж тут извинитесь перед тем, кому обещали щенка. Объясните так, чтобы понял.

– Поймёт, куда денется!

Найда, заслышав шаги, встала настороже за несколько метров от будки. Увидев Ивана, она сначала рванулась к нему, но потом опомнилась. Страх за себя и щенка уже измотал её. С добром ли приехал хозяин? А тот, взяв щенка на руки, слегка потрепал его и сказал:

– Ну что, брат, поедем домой? – и направился к саням. Найда каким-то чутьём поняла, что ничего страшного уже не случится, и пошла за ними. Иван прикрыл щенка в санях тулупом и повернулся к собаке. То, что он увидел, поразило его до глубины души! Из глаз Найды катились слёзы. Как же должно было настрадать это бедное существо, чтобы плакать, как человек! Иван, сглотнув комок в горле, почувствовал, что и на его глаза наворачиваются слёзы. Он присел, приласкал собаку:

– Ну, что, Найдёна, намаялась? Ты уж извини меня. Ничего, теперь всё будет хорошо, полезай в сани.

Он вытер и свои слёзы, и её. Собака уткнулась мордой в колени хозяина и тихонько заскулила. Иван молча гладил её холодный загривок. Найда в избытке чувств стала бить хвостом о плотный снег, тыкаясь мордой то в ладони, то в грудь. Иногда касалась мокрым носом щеки.

– Ну, будет, будет, – успокоил собаку Иван. Собака благодарно лизнула руки хозяина и улеглась рядом со щенком.

Алевтина, услышав шум снегохода, выбежала на крыльцо. Вконец истомившись в ожидании и увидев всё семейство в сборе, выдохнула:

– Вот и хорошо, вот и ладно, теперь все дома.

2013 г.

Нечеловеческая боль

Ночная тайга была безмолвна. Лишь изредка раздавалось слабое потрескивание деревьев. Полная луна заливала окрестности ровным серебристым светом. Уже два дня снег подтаивал на солнце, но с вечера мороз набирал силу, и к утру на снегу образовывалась крепкая корка. Начались мартовские утренники – самое удобное время для охоты и людей, и хищников.

Перевалив через увал, волчица остановилась, тяжело дыша опавшими боками. Подъём оказался слишком трудным. Когда-то бурей положило все деревья на самой вершине, и через завалы пришлось переползать, потому что сил почти не было. Если бы не наст, она не одолела бы этот подъём. Где-то внизу, по ту сторону увала, осталось логово. Волчица пришла к нему издали, два дня назад. Многодневный переход сюда был тяжёлым. От полуголодной жизни и весенней промозглости её силы таяли. Она буквально ползла на брюхе по рыхлому тогда ещё снегу. Что же гнало её именно сюда? Ведь обычно с наступлением зимы волки сбиваются в стаи, чтобы легче было прокормиться. И почему она была одна?

Много лет, будучи избранной вожаком, волчица ходила впереди стаи. Её поджарое тело при ходьбе пружинило. С гордо поднятой головой, изящным изгибом спины, с белым горше-нем на шее, она была красива не только по волчьим меркам. Тогда она не знала, что такое голод. Рожала щенят, а вожак добывал еду для неё и волчат. Но хорошая жизнь оказалась не вечной. Волчица постарела, и вожак облюбывал себе новую, более молодую подругу. Теперь другая самка гордо шествовала впереди вожака. А она, матёрая, оказалась никому не нужной, отвергнутой и была вынуждена покинуть стаю.

Поначалу всё было не так уж и плохо. Встретился ей одинокий самец, немолодой, но крепкий. В яме под выворотнем они устроили логово. Волки прожили сытую летнюю жизнь. Они регулярно наведывались в деревню, ту самую, к которой она сейчас направлялась. Скот тогда был на выпасе, и удача сопутствовала им. Исчезали не только колхозные овцы. Сельчане не досчитывались и личного скота. С наступлением зимы добывать пищу стало труднее. Волчьей паре пришлось прибиться к одной из стай.

Волков в тот год было много. Окрестные хозяйства страдали от потери скота. Решено было начать истребление хищников. И стая угодила в облаву. Волчица к тому времени была уже брюхатой. Оказавшись среди красных флажков, волки погибали один за другим. Самец был ранен сразу же. Он ползал по снегу и не решался перепрыгнуть через запретную линию. Самка поняла, что ему уже не помочь. Надо было спасаться самой. Неизвестно, что помогло ей больше: инстинкт самосохранения или материнский инстинкт. Волчица легко перемахнула через опасную черту. Тогда удалось уйти от погони. Но с той поры она нутром чуяла опасность, и в сознании сразу всплывали красные флажки.

Жизнь без самца стала невыносимо тяжёлой, она словно испытывала волчицу на прочность. В лесу теперь трудно было прокормиться. Ослабленное тело, стёртые и поломанные зубы не позволяли удачно охотиться. Да и догнать будущую добычу в её положении было трудно. А голод донимал со страшной силой, ведь во чреве развивалась новая жизнь, и не одна. Самка чувствовала, что единственный выход – держаться поближе к человеческому жилью. Вот так, совсем не случайно, она и оказалась вблизи этой деревни. Отдохнув после изнуряющего перехода, решила наведаться туда, надеясь хоть что-нибудь добыть.

И вот теперь, понемногу отходя от тяжёлого подъёма, волчица сквозь молодой подрост смотрела на чернеющие внизу дома. Деревенька приютилась на небольшом пятке земли между скалами и рекой. В ней не насчитывалось и двух десятков домов. Самка чутко прислушивалась, стараясь уловить хоть какое-то движение внизу. Но деревня была крепко объята сонным покоем.

Не оставляя следов на снежной корке, волчица спустилась к санной дороге и по ней подобралась к околице. Она долго прислушивалась и, наконец, решилась. Осторожно обошла деревню со стороны леса. Но всё было тщетно. Люди надёжно закрыли скотину в тёплых хлевах, и проникнуть туда было невозможно. Какая-то собака учуяла запах зверя и подала голос. Ей ответили другие. Оставаться в опасной близости от них было нельзя. Самка так и не успела добраться до колхозного хлева.

Светало. Нужно было уходить, но волчица не могла заставить себя покинуть деревню. Она залегла в кустах у крайнего дома с подветренной стороны. Долго ждать не пришлось. Дверь отворилась, и во двор выскочил молодой щенок. Маленький, значит, глупый. Чтобы не обнаружить себя, волчица решила заманить его в лес. Она вышла из-за кустов и стояла, игриво виляя хвостом. Щенок тяфкнул и подался к ней. Самка повернулась и плавно затрусилась в лес. Уведя щенка в глубь леса, тут же разодрала его. Она, конечно, насытилась, но воспоминания о тошнотворном запахе псины долго ещё преследовали её. Видимо, потому что была беременной.

В следующую ночь волчица решилась подобраться к главному предмету своего вожделения – скотному двору. Она нашла в заборе дыру, проскользнула в загон и подобралась к тому хлеву, где находились овцы. Осторожно обошла вокруг и поняла, что внутрь ей не попасть. Летом без труда можно было прокопать лаз, но сейчас всё завалено снегом, под которым мёрзлая земля. Она ещё несколько раз обошла вокруг хлева, надеясь неизвестно на что. Блеяние скота и тёплый пар, который вырывался из неплотно пригнанных ворот, искушали её и доводили до такой степени, что начинало сводить челюсти и желудок. Тело сотрясала мелкая дрожь. Волчица представляла, как её зубы вонзаются в тёплую плоть ягнёнка, как она отрывает куски нежного мяса, как постепенно приходит чувство насыщения. Эта картина была так далека от реальности! Самка готова была завывать от бессилия, но боялась выдать своё присутствие.

Над увалом уже заиграли розовые, ещё несмелые, сполохи рассвета. Скоро должны были появиться люди. Вконец истерзанная несбывшимся желанием, волчица опять уходила ни с чем. Она рюхала к логову по своей, только ей видимой тропе. Охотничьих путиков здесь не было, и она не думала о встрече с людьми, хотя, конечно, жизнь научила её не доверять им. Близость к ним таила в себе много опасностей, в том числе и главную – гибель. Но уйти куда-то в другое место у ослабевшей волчицы уже не было сил. Сейчас ею руководили голод и сила материнского инстинкта. В конце апреля появятся волчата, и еды нужно будет ещё больше. Потом снег сойдёт, и с кормом станет легче. Да и укрыться в лесу с потомством будет проще.

Утро разгоралось. День обещал быть тёплым и солнечным. А в логове было холодно и сыро. Самка попыталась заснуть, но от того, что была голодна, она мёрзла. Сон прерывался и вскоре совсем прошёл. Находиться внутри волчица уже не могла. Выбравшись из логова, она стала бродить по окрестностям в поисках хоть какой-нибудь поживы.

Перебиваясь случайной кормёжкой, волчица ещё дважды приходила по насту к скотному двору. Но того, чего она так желала, не случилось. Удача не спешила к ней. А потом северный ветер резко сменился на западный. Нанесло тучи. Потеплело, повалил сырой снег. Наста по утрам уже не было. Набеги в деревню пришлось прекратить. Однако её терпения хватило ненадолго. Деревня по-прежнему манила, притягивала к себе, будто сулила удачу.

И в одну из ночей волчица отважилась на новый поход в деревню. У неё было очень мало сил, чтобы перевалить через увал. Но, движимая отчаянием и упрямством, она уже не могла остановиться. Проваливаясь в снег по самую морду, долго выбиралась из него и ползла на брюхе к заветной высоте. Под тяжестью материнского тела будущие волчата недовольно толкались во чреве. Иногда, когда не хватало сил переползти через бурелом, она останавливалась. Задрав морду к тёмному небу, припав на задние лапы и поджав хвост, она тихонько выла, изливая в пространство боль и бессилие. Но пожаловаться было некому. В небе – ни луны, ни звёзд.

Спуск с вершины оказался более лёгким. Волчица сползла по своей тропе к санной дороге и быстро добралась до хлева. А дальше всё было так же, как и в предыдущие ночи. Удача напрочь изменила ей. И тогда, бесшумно подобравшись к конуре в одном из крайних дворов, она задавила из последних сил небольшую лаечку и уволокла в лес. Там, преодолевая отвращение к запаху псины, она справилась с собакой.

* * * * *

Женщины-скотницы, пришедшие утром на работу, увидели на переносе свежие следы. Сначала приняли их за собачьи. Но если бы чья-то собака бегала ночью по деревне, то покоя не было бы никому: ни остальным собакам, ни людям. Что-то во всём этом было не так. Позвали мужиков. Те сразу же распознали волчьи следы. Связав воедино с ними пропажу щенка, сельчане поняли, что дело принимает серьёзный оборот. Подошедший Поликарп подлил масла в огонь, с ходу уверенно заявив:

– Волчина это, точно волчина! Давеча Авдотьиного щенка разодрал, а сегодня мою собаку уволок.

– Мужики, чё-ко надо делать. На роботу-те страшно будет ходить, – заявила телятница Марья.

Все стали бурно обсуждать возможные последствия и искать выход из создавшейся ситуации. Только Афанасий, несколько угрюмый мужик лет сорока пяти, мусоля в пальцах папиросу и изредка затягиваясь, молчал. Наконец, он отбросил окурок, старательно вмял его в снег носком сапога и решительно сказал:

– Всё, мужики, пора доставать капканы.

Афанасий славился тем, что изготавливал мощные, двухпружинные, «зубатые» капканы. Зверь, попавший в него, уже не мог освободиться, будь то матёрый волк, медведь или россомаха. Ближе к вечеру поставили две такие ловушки, одну недалеко от другой, в том месте, где волчья тропа подходила к санной дороге. Капканы слегка присыпали снегом. Война была объявлена. Оставалось только ждать.

Волчица тоже ждала ночи. Интуиция подсказывала ей, что в прошлый раз она выдала себя. Люди наверняка поджидают её. В сознании опять проявились красные флажки и уже не пропадали. Но сегодня даже они не могли остановить её.

* * * * *

Ожидания сельчан сбылись наполовину. Утром обнаружилось, что зверь попал в капкан, но ушёл вместе с ним. Значит, матёрый попался хищник. Судя по тому, какие пятна крови оставались на снегу, ранен он был крепко.

– Надо как-то обрешить эту ситуацию, – поглаживая окладистую бороду, сказал бригадир Николай.

– А чё тут решать, однако? – деловито спросил известный «волчатник» Ефим. – Догнать, прикончить – и все дела. Вишь, как кровит. Тяжёлый капкан в таком положении быстро не сможет волочить. Тут, недалече и возьмём зверину. Наш будет, куды денется!

– Да, оставлять точно нельзя, – поддержал его друг Павел, – отгрызёт лапу, чтобы от капкану—то освободиться. Сколь таких случа'ев случалось! Останется с тремя лапами – ещё злее будет. Как бы беды-то не накликасть, ёк-макарёк!

Отрядили в погоню троих: удачливого Ефима, Павла, которого уже разобрал азарт, да молодого парня Илью, не нюхавшего ещё «волчьего» пороха.

– Тебе, паря, полезно. Забреют-от на три года в армию-то, скучать будешь тожно по лесу, по охоте. А так будет, чё вспомнить, – сказал Николай, хлопнув будущего новобранца по плечу.

– А я и не против, – весело ответил Илья, – даже интересно.

Вскоре троица скрылась из виду. Обитые камусом лыжи катили легко. Настроение у Ильи было приподнятым. Отчего не прогуляться по лесу, поразмяться, подышать целительным таёжным воздухом! Прав Николай: три года без родной обстановки, без привычных занятий – это

долго. А ну, как попадёшь на юга, в жару – то! Обычно северных новобранцев отправляли отдавать свой долг Родине почему-то в южные республики, а разнеженных теплом бедолаг – на Север, ровно в ссылку. И те, и другие мучились в непривычном для них климате. «Ну да, ладно! Три года – это не целая жизнь, – успокоил себя Илья, – да и Ксюха обещает верно ждать». При мысли о любимой девушке его лицо просияло улыбкой. Вечером – снова свидание. И, вообще, жизнь – такая хорошая штука!

Но в душе всё же поселилась лёгкая досада: добывать раненого, беспомощного зверя – не велик подвиг. Не настоящая это охота. Встретиться бы один на один с хищником – вот это дело! Илья не однажды слышал рассказы односельчан об охоте на волков, но сам в этом деле участия не принимал ни разу. Да ладно, какие там годы!

С этими мыслями парень не заметил, как оторвался от мужиков и оказался далеко впереди. Остановился тогда, когда увидел, что кровавые следы пересекаются с другими, которые вели в гору. Ага, зверь не пошёл к логову, а пополз вдоль увала, оставляя после себя широкую и глубокую борозду, краснеющую на белом снегу. Значит, силы его тают. Пожалуй, надо подождать мужиков. Пока и перекурить можно. Подошедшие Ефим с Павлом с ходу оценили ситуацию:

– В гору, однако, не пошёл, значит, сил маленько осталось.

– Точно. И пятна крови-то всё свежее. Догоним скоро, ёк-макарёк.

Почувяв погоню, зверь стал уходить махами. «Ну и ну! Силён, если на исходе сил на такое способен», – удивился Илья. Истратив последние силы на этот рывок, хищник уже не мог бежать по снежной целине. Он вышел на свои старые следы и стал кружить по ним.

– Всё, спёкся волчина. Недолго ему осталось бегать, – со знанием дела сказал Ефим. Решили, что он останется в засаде, а Павел с Ильёй погонят зверя на него. До развязки оставалось совсем немного.

* * * * *

Вскоре Павел снова отстал от Ильи. А тот мчался вперёд, не замечая этого. Волка он догнал на втором круге. Дальше случилось непредвиденное. Вместо того, чтобы уходить, волк, услышав сзади шум, внезапно остановился. Он развернулся и, увидев Илью, пошёл на него. Было видно, что каждое движение причиняло волку сильную боль. Надо сойти со следа на несколько метров в сторону, чтобы зверь не бросился на него. Да и стрелять сбоку удобнее. Думая о том, почему волк поступил вопреки правилам погони, парень не заметил лучок, который притаился у самого следа. Маленькую ёлочку согнуло и снегом придавило верхушку к земле. Лыжина скользнула в эту маленькую арку, и нога выскочила из крепления. Подвернув её, Илья неловко завалился набок. Ружьё отлетело в сторону метра на два. Перевернувшись на спину, парень наблюдал за хищником. А тот, словно понимая, что преимущество на его стороне, не спеша приближался к Илье. Что же делать-то? До ружья не дотянуться, нож в чехле – сзади на поясе. Где же Ефим? Почему не стреляет?

Распластавшись перед раненым зверем, парень умом понимал, какой опасности подвергается. Но странно, он совершенно не испытывал страха. Может, от того, что не так хорошо был знаком с волчьими повадками, как Ефим. Может, от того, что тот хорошо знал волчью натуру и не должен был упустить свой шанс.

И вот тут вспомнились беспечные мысли в самом начале погони. Как наивен он был, думая, что добить раненого зверя – плёвое дело! Поединок, о котором мечтал, случился. Но ситуация была не та. «Его величество случай» в один миг перевернул всё с ног на голову. Молодой, сильный, уверенный в себе человек оказался вдруг совершенно беспомощным, а раненый и бессильный зверь стал таким угрожающе сильным.

Не дотянув восьми – десяти метров до Ильи, волк остановился. Растопырив передние лапы, он чуть приподнялся и зарычал, обнажив стёртые клыки. Шерсть на загривке взды-

билась. Глаза, налитые кровью, злобно сверкали. Илья стал осторожно сдвигаться в сторону ружья. Страха в душе по-прежнему не было.

Зверь внимательно следил за каждым его движением. По всему видно, он был готов к прыжку. Интересно, как можно сделать это с капканом на задней лапе? Взгляд Ильи внезапно выхватил большой отвисший живот. Волчица, да ещё брюхатая! Всё сразу встало на свои места. Вот почему она не отгрызла себе лапу, как это делали остальные жертвы таких капканов! Став трёхлапой, она стала бы совсем немощной и не смогла бы прокормить сейчас себя, а потом и свой выводок, что было равносильно гибели. Но ведь и от капкана ей не освободиться. Это – медленная смерть. Получается, что...

Додумать Илья не успел. Раздался выстрел Ефима. Волчица развернулась и двинулась в его сторону. За это время Илья успел откопать ружьё, прицелился и выстрелил. И снова произошло неожиданное. Волчица развернулась и медленно, с трудом двинулась к Илье. Да что она, заговорённая, что ли? Ведь выстрел достиг своей цели. Это было видно по тому, как самка дёрнулась и неловко развернулась. Второй раз Илья выстрелить не успел. Ефим сделал это раньше. Волчица осела и больше не шевелилась. Значит, выстрел оказался смертельным.

Илья подбежал к волчице. Она была ещё жива, но уже ничего не могла сделать. В её глазах не было злобы и агрессивного отчаяния. Илье показалось, что в них была боль, какая бывает у человека в момент безысходности. Из глаз волчицы потекли крупные слёзы. «Столько лишений, трудов – и напрасно!» – подумалось Илье. Истекая кровью, самка свернулась комочком, пытаясь удержать уходящее из тела тепло. Это было дыхание смерти. Она закрыла глаза. Ей уже не суждено было смотреть в этот мир, как и её, так и не родившимся, волчатам.

Подбежал Ефим, а следом за ним и запыхавшийся Павел.

– Однако, волчица это! Оцениться скоро должна, – удивился Ефим.

– Уже не оценится. Поздно, ёк-макарёк, – напомнил Павел.

– Крупная зверина... за шкуру, однако, хорошо заплатят.

– Ещё и премию дадут, забыл, чё ли?

Илья молча посмотрел на них. Он ничего не сказал, но было в его глазах что-то такое, отчего мужикам расхотелось продолжать разговор на эту тему. Они стали сосредоточенно решать, как доставить трофей в деревню. Вырубили жердину, привязали к ней волчицу ремнями. Идти назад по своим следам было далеко, поэтому кто-то один по очереди мял дорогу напрямик, по снежной целине. Двое тащили добычу, где – на плечах, где – волоком. Почти у самой деревни встретили Афанасия, который на лошади с санями ехал за сеном. Он развернулся и доставил «груз» прямо на своё подворье. Пока снимал капкан с ноги волчицы, вокруг собрался народ.

Сельчане рассматривали поверженного врага на расстоянии, видимо, ещё не веря до конца, что он уже безопасен. Кто смотрел с любопытством, а кто – со злобой. Мужики, окружив Ефима и Павла, дружно закурили. Приукрашивая событие, как и положено охотнику, с некоей долей хвастовства Ефим стал в подробностях описывать погоню. Павел поддакивал ему, будто и в самом деле в полной мере принимал участие в добывании зверя. А женская часть населения осмелилась, наконец, подойти к саням.

– У-у-у, зараза, съела мою овцу и не подавилась-от даже, – пнула волчицу ногой Марья. Тут и остальные стали вспоминать случившиеся ранее потери скота и собак. Получалось, что волчица, будучи уже мёртвой, отвечала и за свои, и за чужие грехи.

Илья стоял в стороне. Он вдруг почувствовал себя лишним на этом «празднике победы». Его охватило смутение. Вроде бы сделали доброе дело, радоваться надо, а её-то, этой радости и не было. Вместо неё появилось чувство вины, пока ещё не до конца им осознанное. Он понимал этих людей. Всё, что они имели, доставалось нелегко, и отдать даже крупицу нажитого было жалко и больно. Вот, Марья, например, без мужа поднимает троих детей. Авдотья, у которой волчица растерзала щенка, живёт одна, левая рука совсем не действует. Волчица

лишила её забавы и отрады. Да и остальным не легче. Он не имел права судить их. В нём крепко сидела с детства заколоченная родителями мысль: прежде, чем судить кого-то, спроси с себя. Да и как определить грань справедливости? Тонкая она, и у каждого – своя. Илья и сам был бы полностью на их стороне, если бы не участвовал в погоне. Если бы он не видел, как погибала волчица!

В голову пришла мысль, оборванная выстрелом Ефима. Выходит, уже погибая, на самом краю жизни волчица боролась. Боролась до конца. И сейчас, глядя на неё, Илья видел перед собой не врага, а волчицу-мать, которая ценой последних усилий защищала своё будущее потомство. Снова вспомнились её слёзы. Слёзы бессилия, обречённости и... материнской боли. Да, теперь он был в этом уверен: именно материнской.

Душа Ильи всегда была чувствительна к чужой боли. Наверное, оттого что сам рано, в десять лет остался без матери, которая умерла от тяжёлой болезни. Из десяти детей он был самым младшим, а потому и самым любимым. Беда заставила его быстро повзрослеть. По сей день, представляя лицо матери, он видел в её глазах выражение человеческой и материнской боли. А вот сегодня он узнал, что такое – нечеловеческая боль. И до него дошла такая простая и ясная мысль: боль – она и есть боль! Не важно – животного или человека. Это боль любого живого существа, и оно, это существо, реагирует на неё одинаково.

Вернувшись в действительность, Илья посмотрел на разошедшихся женщин и произнёс:

– Да ладно вам, хватит уже...

– Чё, жалко стало? Зачем же стрелял? А ведь и у вас-от овцы-те пропадали, – развела руками жена бригадира Окся.

– Не знал, что это волчица, да ещё брюхатая. Оцениться скоро должна была.

– Ну, вот, ещё больше было бы вражин на нашу голову. Ты подумай, паря, сколь урону они могли нам нанести, – сказал Николай.

Подошедшая Ксюха молча взяла Илью за руку и незаметно пожала её, давая этим самым понять, что она на его стороне.

– Ну, ладно, бабы, языки-те почесали, позубоскалили – и будет. Пошли по домам, чё тут стоять, – словно устыдившись своего поведения, сказала Марья.

* * * * *

Ефим привёз из райцентра хорошие деньги за шкуру волчицы и новость, кого-то удивившую, кого-то огорчившую:

– Если бы волчата успели обрасти шерстью во чреве матери, то за каждого из них, однако, тоже заплатили бы.

– Эх, ёк-макарёк, пролетели мимо кассы, – с досадой произнёс Павел, почесав затылок.

Деньги поделили на троих. Илья от причитающейся ему доли отказался...

2014 г.

Солдатская вдова

Похоронку на мужа принесли под вечер. Мария сразу почувствовала беду, исходящую от позднего прихода почтальона. Худая весть пришла в дом, не иначе. Дрожащими руками развернула казённый лист. «...Ваш муж ...Степанов Антон Сергеевич... погиб... храбрых... в бою... похоронен в братской...». Слова расплывались. Женщина пыталась быстрее дойти до конца, как будто от этого что-то могло измениться. Она ещё раз перечитала извещение. Умом понимала, что в нём написано, но сердцем верить отказывалась. Почтальон понял, что лучше оставить женщину одну и тихонько вышел. Он уже знал: если человек сразу не закричал, не заголосил, не заплакал, значит, не скоро начнёт воспринимать окружающую действительность. И никакие слова тут не помогут.

Мария села у стола, низко опустив голову, сложив перед собой руки, и застыла в оцепенении, словно окаменела. Во всём этом чувствовались безысходность и обречённость. Она будто очутилась в другом мире, в котором не было никого и ничего, кроме глубоко сидящей внутри тупой боли. Казалось, пошевелись – и сердце разорвётся на тысячу кусочков. А тот привычный мир, который она так любила, стал теперь чужим, даже враждебным для неё. В нём не стало того единственного и любимого, без которого жизнь теряла смысл.

Она не помнила, как накормила сына и уложила его в кровать. Запомнились только его слова, сказанные озабоченно, по-взрослому:

– Мам, ты устала, да? Ничего, вот вернётся наш папка, тогда отдохнёшь. Ведь у тебя будет целых два мужика!

В его словах было столько уверенности, что у матери не хватило сил и решимости произнести страшные слова: папка уже никогда не вернётся. Пусть сынок ещё немного поживёт надеждой на скорое возвращение отца.

Часы ритмично отстукивали время, но Мария не ощущала этого. Она по-прежнему сидела недвижно и смотрела неотрывно на лист, белеющий на голубой скатерти. Он в одночасье перечеркнул её прежнюю жизнь, где были любовь и счастье, разлука и ожидание, вера и надежда, а теперь не осталось ничего. Перед глазами, как в кино, мелькали кадры её счастливой, но такой короткой жизни с мужем. Их нечаянная встреча... долгие прогулки... первый поцелуй... свадьба... и счастье, которому, казалось, не будет конца. Потом они узнали, что у них будет ребёнок. Муж уверял, что непременно родится сын, и оказался прав. Малыш появился на свет через два месяца после того, как Антон ушёл на фронт. Мария назвала сына в честь отца.

Вспомнилось, как провожали односельчан. Мария крепко держалась за руку мужа, боясь оторваться от него и не давая ему отодвинуться от неё даже на самую малость. Антон хорохорился, пытался шутить, но его глаза выдавали тревогу за жену и ребёнка. Он впервые оставлял их одних, и, может быть, надолго. Мария плакала, как и все, но это были, скорее, слёзы бессилия от невозможности изменить что-либо. Это плакали боль и обида, оттого что война так грубо вторглась в их счастье и теперь предстоит разлука. Некоторые бабы голосили, словно их сердце – вещун навеки прощалось с теми, кого провожали. А молодое сердце Марии ещё не знало горя утрат, поэтому никакого предчувствия беды не было. Как и многие тогда, она верила, что война будет недолгой и муж скоро вернётся домой.

Несмотря на военное лихолетье, фотографии иногда ездили по сёлам. Они понимали, как важны были для солдат снимки с родными лицами. На фронте они воспринимались, как обереги, хранящие от смерти. Мария отослала мужу фотографию маленького Антошки. Ответное письмо излучало такое счастье! Ведь сын был продолжением и полной копией отца. А позже Антон – старший прислал снимок, сделанный военным фотокорреспондентом. Муж стоял в окружении однополчан. Они улыбались, щурясь от яркого солнца. На их лицах была такая

безмятежность! Лишь военная форма напоминала о том, что это всего лишь короткая передышка между боями. В любую минуту может прозвучать команда «К бою!», и для некоторых из них эта улыбка станет последней. Подросший сынишка тыкал пальчиком в фотографию и говорил:

– Это мой папка! Он флицев бьёт.

Сейчас, глядя на снимок, Мария вдруг подумала, как всё это странно. Миг, запечатлённый фотокорреспондентом, навсегда оставит мужа живым и молодым. Сын будет взрослеть и когда-то перерастёт отца, она состарится, а муж останется таким же. И была во всём этом какая-то несообразность, нелепость...

Ну, как же так? Почему судьба так благосклонна к одним и не милосердна к другим? Вон, Митька Суровин вернулся домой, пока единственный из всех ушедших. Без правой руки, но живой же! Полная грудь награда. Мария радовалась за подругу Шурку: какой-никакой, а мужик в доме. Правда, поначалу было непонятно, чего больше в этом возвращении: радости или горя. Напившись, Митька колобродил: гонял детей, поднимал руку на жену. Она не жаловалась. Да и односельчане не особо осуждали его. Понимали, что это бунтует его душа. Ведь мужик без правой руки – полмужика. Нужно время, чтобы Митька нашёл себя.

– Я для Родины руки не пожалел, – говорил он, – теперь государство много чего мне должно.

А чего оно, истерзанное войной, могло ему дать больше, чем другим? Да и какое дело государству до отдельно взятого человека? Когда Митька понял это, он перестал терзать себя и других, а потом неожиданно согласился стать председателем колхоза.

Ох, если бы Антон вернулся! Да Мария пылинки бы с него сдувала, отдала бы всю свою любовь, нежность, чтобы он быстрее освоился в мирной жизни. Она никак не могла поверить, что произошло непоправимое. Последние сводки с фронтов были наполнены ожиданием победы. Бои шли уже под Берлином. Мария много раз мысленно представляла себе, как вернётся Антон, как расцелует, высоко подбросит сына, и тот зальётся счастливым смехом. А она будет ждать той минуты, когда он обнимет её и нежно выдохнет, как раньше: «Если бы ты знала, как я тебя люблю!». Она ловила себя на том, что улыбается от этих мыслей. Всё чаще смотрелась в зеркало, замечая, как светлеет её лицо, разглаживается огрубевшая от ветра и солнца кожа, а в глазах сверкают искорки радости. Душа, надорванная неженскими заботами, тревогой и болью, как будто выкидывала из себя всё то, что тяготило жизнь. Она постепенно открывалась для счастья.

Счастье! Где оно теперь, это счастье? Не далось в руки, пролетело мимо чёрной птицей. Да и сама Мария теперь, как раненая птица, которой уже никогда не подняться в небо. Она будет дышать, ходить, разговаривать, но... её не будет. Будет другая женщина, а та Мария, которая любила Антона, жила каждой его капелькой, останется где-то далеко, в прошлой жизни. Её слух вдруг уловил тиканье ходиков. Показалось, что они мерно отстукивают горькое слово: вдо-ва... вдо-ва. Она закрыла уши руками, чтобы не слышать этого слова, которое отныне станет сутью её бабьей доли. Одиночество... слёзы в подушку... незаживающая душевная рана... цепкая память, постоянно бередящая душу... бесконечная тревога за сына. А ещё она знала, что в её сердце всегда будет жить робкая надежда на то, что произошла какая-то ошибка и однажды её Антон вернётся.

За окном посветлело. Край неба начал розоветь. Мария словно очнулась. Она подняла глаза к образам в углу и прошептала:

– Господи, я отдала тебе дорогого человека. Научи, как теперь жить без него...

Из глаз, наконец, хлынули слёзы. Откуда-то из глубины души вырвался надрывный крик. Мария зажала рот рукой и застонала, раскачиваясь из стороны в сторону. Боль, зажавшая сердце в тиски, постепенно отпускала, как будто растворялась в слезах.

В кроватке завозился сын. Мать бросилась к нему, успокоила, погладив по головке. Она смотрела на него и думала: как хорошо, что он есть. Теперь сын – единственный её мужчина, помощник и защитник. Антошка-младший... Антон Антонович Степанов. Мария подняла глаза к иконе Божьей Матери:

– Пресвятая Богородица, пусть враги больше никогда не придут на нашу землю. Спаси и сохрани наше дитя! Пусть минует его лихая доля.

Село начало просыпаться. Тяжело вздохнув, женщина обвела взглядом избу. Надо браться за дела. Нужно как-то жить. Надо жить... ради сына.

Враги больше не пришли на нашу землю. Сын погиб на чужбине, во время мятежа в Чехословакии, выполняя, как сказали, интернациональный долг. Теперь Мария, глядя на икону выцветшими от слёз глазами, просила Богородицу спасти и сохранить живое продолжение мужа и сына – внука Антошку... Антона Антоновича Степанова.

Она ещё не знала, что впереди будет Афганистан...

2014 г.

Марсианка

К бабе Лизе приехала из города внучка. Своих родителей Рита плохо помнила. Маленькой была ещё, когда они погибли. Пьяный водитель лесовоза столкнул их машину с высокой обочины, когда те возвращались из города. Баба Лиза осталась единственным родным человеком для девочки, она внучку и вырастила.

После окончания школы Рита и её подруга Лариска поехали поступать в институт, решив стать учителями. Своих нет, а приезжие бегут из деревни. Но так уж получилось, что Рита поступила, а Лариска не добрала двух баллов. Она вернулась домой, выскочила замуж, родила дочку, да на том и успокоилась. А Риту закрутила-завертела весёлая студенческая жизнь. Учёба давалась ей легко, поэтому вечерами она подрабатывала официанткой в кафе. Деньги лишними не бывают. Зарабатывала неплохо, иногда посылала некоторую сумму бабе Лизе. А та складывала «бумажки» в свою любимую шкатулку, чтобы потом вернуть их внучке целой «кучей». Зачем ей, старой, эти деньги!

В круговерти городской жизни Рита довольно быстро усваивала её особенности и прелести. А она, эта жизнь, поначалу была такой заманчивой и многообещающей! Потом оказалось, что за всё надо платить. И вот теперь, успешно окончив первый курс и накупив подарков для бабы Лизы, Рита со всеми своими сомнениями объявилась в деревне.

Тетка Феня, жившая напротив Поповцевых, видела, как после обеда к дому соседей подкатила машина. Кто это, интересно, приехал на такси? Сердце её забилось в предвкушении чего-то интересного и нового. Главным достоинством любопытной Фени было умение первой узнавать все деревенские новости, а потом в своём изложении передавать их односельчанам. И как она умудрялась оказываться в нужный час в нужном месте? Уму непостижимо! С лёгкой руки тракториста Ваньки Мельникова к ней прочно приклеилось прозвище «сарафанное радио». Заметив спешащую куда-то местную «дикторшу», люди так и говорили: «О, радио включили, сейчас новости передавать будут». Говорилось это беззлобно и без насмешки, как о чём-то обыденном.

Сельчане жалели тётку Феню. По паспорту она была Фёклой. И, как уж водится, «не мудрствуя лукаво», в детстве дразнили её Фёклой – свёклой, на что она обидчиво отвечала:

– Я не свёкла, а Феня.

Постепенно прозвище отлипло, теперь даже в официальных случаях её называли Феней Ильиничной. А жизнь у неё вышла такая же нескладная, как имечко. Недолго прожила с мужем. Укатил он в город на заработки да и сгинул – ни слуху, ни духу. Осталась она с хворым дитём, которое и до трёх лет не дожило. Тогда Феня не то чтобы помешалась от горя, просто от беды и одиночества кое-какие чудачества стали проявляться в её поведении. Люди всегда поддерживали её и помогали, чем могли, особенно сейчас. Пенсии-то в деревне – курам на смех. Добытчика в семье нет, поэтому охотники и рыбаки приносили Фене частичку своей «удачи». Так и перебивалась.

«Сарафанные новости от Фени» давно стали неотъемлемой частью деревенской жизни. Досужим разговорам здесь всегда находится место и время. Как же в деревне без сплетен? Так и от жизни отстать можно.

Боясь, чтобы никто её не опередил, Феня прошмыгнула в дом соседей и с порога зачестила:

– Лизавета, не одолжишь ли мне... – и вдруг замолчала, увидев Риту. Она потеряла дар речи, поразившись, насколько та изменилась. Сама худющая, глаза ярко-зелёные, на голове копна вместо привычной косы, на курточке и брюках всякие металлические штучки-дрючки...

– Салют, тётъ Фень! Как жизнь молодая?

– Да... живём помаленьку, – ответила ошарашенная соседка. – Чё нам дается! А я тебя, Ритка, с трудом признала. Кака-то ты... не така...

– Да, имидж у меня теперь такой. И, вообще, не называй меня Риткой. Я теперь Марго.

– Королева, что ль, котору в телевизере казали? – тётка Феня свела брови и поглядела на Риту чуть искоса поверх очков.

– Ну, типа того...

– Ну, ладно, Марго так Марго, – кивнула соседка. А про себя подумала: «Это чё ж такое сделалось с девкой? Уезжала нормальная, а приехала полной расфуфырой! Не-е, всё-таки в городе народ портится».

Баба Лиза поставила на стол вскипевший самовар и, понимая, что гостья сейчас добровольно не уйдёт, сказала:

– Садись, соседушка, чаёвничать будем. Внучка вон всяких гостинцев навезла.

Рита скрылась за занавеской, а через минуту вышла в чёрном блестящем халате с какими-то диковинными птицами на спине. Тётка Феня всплеснула руками:

– Ой, кака красотишша!

– А то, – гордо сказала «Марго», – мы хоть и деревенские, а прикид у нас что надо. Фирма! Последнее слово она произнесла с ударением на последнем слоге.

– А чё такое прикид и фирма? – спросила гостья. В душе у неё поселилось лёгкое волнение. Ведь прежде, чем народу рассказать, надо самой всё понять. Она уцепилась за первые незнакомые слова, ещё не зная, что ждёт её впереди.

– Это значит, заграничная одёжка по последней моде.

– Дорогушшая, наверно?

– Не дороже денег.

Трапезничали почти молча. Баба Лиза с внучкой иногда перекидывались между собой практически ничего не значащими фразами, понимая, что их разговоры станут достоянием всей деревни. Но соседка, шумно прихлёбывая чай из блюдечка, не очень-то и слушала их. Надо было успеть перепробовать все вкусности, которые были на столе.

– Ба, что-то тихо у тебя, непривычно как-то, включила бы ящик.

– Телевизор, что ль? – догадалась баба Лиза. – Дак не работает он. Давеча сильный ветер был, антенну-то поворотил, так только полосы одне и глядела. Серёга-сосед согласился за бутылку поправить. Ну, я, старая дура, и дала ему её загодя. Выпил он, как положено, для зачину, и полез на крышу. Пошатнулся там, ухватился за антенну, да так вместе с ней и рухнул. Хорошо, в черёмухах запутался, а то бы насмерть разбился.

– А радио где?

При слове «радио» тётка Феня вздрогнула, но речь пошла о радиоприёмнике.

– Дак сломалось, старое уже, как я. Санька вот, одноклассник твой, взялся починить. Частенько забегает ко мне, помогает, чё попрошу. Всё об тебе спрашивает. Учится заочно на зоотехника. Беда хороший парень!

– Ой, ба, в городе таких хороших пруд пруди. Да, весёлая у вас житуха, – вздохнула Рита.

– Верно, внученька, скучновато. Вот ты и расскажи, что там в мире дается, а то мы тут совсем, видать, от жизни нонешней отстали.

– Ладно, проведу-ка я политинформацию, – прищурился глаза и лукаво взглянув на гостью, сказала Рита.

– А эт чё такое? – снова осмелилась спросить тётка Феня.

– Да расскажу, что в мире делается.

Хозяйка с гостьей, как школьницы, сложили руки перед собой на столе и приготовились слушать.

– Ну, значит, так. Недавно на малине наш пахан ботнул по фене, что центровая заморочка сегодня – это дать по репе дяде Сэму, чтоб не нёс пургу на нашу страну, на наш образ жизни.

Бугор держит пальцы веером и базарит, что Раша подвалилась под кордон. Братва разгулялась по Европе. Наши «пупы земли», нажив нечестный капитал, сгребли ходули и свалили за бугор, пока им не настучали по чайнику. Главная шестёрка пахана – господин Ястржембский гонит волну: «Братва, подломим супермаркет! Макдональдсу – кранты! Будем отпирать совковую лавку». Все дружно поддержали его. На том и порешили.

Видя, как с каждым новым предложением у тётки Фени всё шире и шире раскрываются глаза и рот, Рита, пристукнув ладошкой по столу, сказала:

– Всё, на первый раз с вас хватит. Пойду к Лариске, посмотрю на её бэби, – и, подмигнув бабе Лизе, выскочила из избы, еле сдерживаясь от смеха. Баба Лиза, хорошо знавшая свою внучку, уже давно заметила в её глазах озорные смешинки и поняла, что та попросту разыграла их. Есть в кого! Она и сама-то в молодости любила розыгрыши, смешливая была. Наконец гостья захлопнула рот, судорожно вздохнула и спросила:

– Эт чё такое было?

– Полит... какая-то там, и не выговоришь, А ты чего-нибудь уразумела? – подхватив розыгрыш внучки, спросила Елизавета.

– Ну, по'няла, конечно, чай, не дура! Про меня, родную, сказали... не пойму токо, откуда в городе про меня знают? И зачем по мне ботать? Это ж по воде боталом ботают, штоб рыбу загнать в сетку. Та-ак, про Семёна-скотника говорили... вот токо зачем ему давать репу, если у него её и так несметно уродилося?

Семёна не зря в деревне прозвали Сэмом. Когда он напивался и получал от жены очередной нагоняй, его оскорблённое достоинство кричало:

– Уеду от тебя в Америку, и будут меня там звать по-ихнему Сэмом.

– Ну-ну, сначала заработай на приличные портки, а то без штанов туда не пускают, – поддевала жена. И Семён сразу сникал, снова ощущая суровую действительность нынешней деревенской жизни.

Тётка Феня, подняв глаза кверху, продолжала перечислять:

– Малина, видать, где-то шибко уродилася. О, про лавку нашу сказали, может, цены маленько скинут, а то Зинка таки-и-и заломила! Вот токо не по'няла: почему ястреб женский? И зачем стучать по чайнику? А та-а-к всё уразумела...

Елизавета, поняв, что у гостья полная каша в голове, предложила ещё выпить чаю. Сама тоже ничего не поняла, но она могла у Риты всё переспросить. А вот соседка сейчас полетит сорокой по деревне. Кто знает, чего она там натрешит! Ну, девка, наделала делов! Досадую на внучку, она пыталась унять тревогу в душе, и не только по этому поводу. Баба Лиза с первых минут появления Риты, видя её напускную весёлость и слыша не свойственную ей речь, почувствовала: что-то не сладилось у девки в её городской жизни. Надо расспросить, когда будут вдвоём.

А Рита в это время сидела у Лариски и рассказывала, как пошутила над бабками.

– И зачем ты так? Жалко ведь. Старые и неграмотные, конечно, но не их вина, что война не дала выучиться.

– Да люблю я их, а подшутила скорее от плохого настроения. Разругалась вдрызг со своим Генкой. Думает, что, если я официантка, то можно со мной не церемониться. Отвесила пощёчину, а он мне: «Дура деревенская, выгоды своей не понимаешь». А чего их понимать-то? Хозяин кафе – его папаша, гребут деньги и думают, что и в жизни тоже хозяева. Как будто в душе вместо совести – одни купюры.

– Да ладно, найдёшь себе ещё парня лучше Генки.

– Не знаю. Понимаешь, поначалу интересно было в городе, а потом будто переломилось что-то во мне. Скука смертная одолела. Всё чаще деревня стала вспоминаться, да и снится тоже. Закрою глаза и сразу дом вижу, наше любимое место у реки. Так явственно слышу журча-

ние воды, птичью песенку, стук капель дождевых по листьям! Кажется, бросила бы всё и уехала домой.

– А учиться нравится?

– Очень нравится. И желание стать учителем не пропало.

– Да, дела-а-а. Слушай, а ведь тебе домой возвращаться надо. Заест тебя тоска эта. Подумай. Мы вот за зиму подрастём, подготовимся и будем на заочное поступать, правда, доча? И ты переведись на заочное, а?

– Не знаю пока ничего. В душе полный раздрай.

– Ладно, доживём до утра, как говорится. Не зря оно – самое мудрое время суток. Давай чай пить.

Посидев немного, Рита поднялась:

– Ладно, пойду свои ошибки исправлять.

А тётка Феня уже побежала по деревне. Ещё допивая последнюю чашку чая и постепенно приходя в себя, она сосредоточенно думала, как бы всё услышанное перевести на нормальный человеческий язык да складно сложить, чтобы всей деревне было понятно. Время от времени что-то спрашивала у Елизаветы. Но много ли та могла объяснить, коль сама ничего не поняла! И потому Феня решила: «Да бог с ней, с этой самой, как её там... ну, с тем, что Ритка проводила... самое главное – про неё саму рассказать!»

Первой «жертвой» стала фельдшерица Наталья, куда-то рулившая на своём старом велосипеде.

– Натаха, новость знаешь?

– Скажешь – узнаю. Ты чего заполошная такая?

Феня, успокоенно вздохнув (никто не успел опередить её!), затараторила:

– Дак это... Ритка Поповцева объявилася!

– Ну, и что? Подумаешь, какая невидаль, ребёнок домой приехал!

– Да странная она кака-то! Сама худюшшая, глаза сильно зелёные, волосы белые торчком, по виду похожа на тех, которы с Марсу прилетают. Сама видела в телевизере. Ну, дак вот, сначала с Риткой всё было ничё, а как чаю выпила, так и понесло её куды-ко! Говорит как-то... вроде по-русски, а ничё не понять! Такое наговорила, всю голову заглумила! Ну, чисто марсианка!

– Да вся молодёжь сейчас так говорит. Мой Сенька, когда приезжал, так же начал изгаляться. А как подзатыльник получил – сразу заговорил по-человечески. Ну, ладно, некогда мне лясы точить, на вызов спешу, – и Наталья лихо закрутила педалями.

– Ехай, ехай, – махнув рукой, благословила Феня, несколько озадаченная тем, что не удалось удивить фельдшерицу. Обычно люди быстрее верят плохим новостям, чем хорошим. Но тут же успокоила себя: деревня большая, надо только добавить в свою новость чего-нибудь такого, что ошарашило бы людей. И тут ей повезло.

Дед Макся, вдыхавший свежий воздух на лавочке возле дома, уже заскучал. Увидев Феню, он понял, что сейчас жизнь сильно повеселеет. «Сарафанное радио» плюхнулось на лавочку рядом с дедом и на одном дыхании выложило всю «страшную» правду о Ритке. А тот, уцепившись за слово «марсианка», сразу сел на своего любимого «конька». Космическая тема была его излюбленной, и он всех собеседников доставал своими разглагольствованиями, подробно пересказывая, что слышал об этом по радио и видел на экране телевизора. Многозначительно хмыкнув и подняв кверху указательный палец, дед сказал:

– Слышь, чаво хочу сказать? А, може, она... того... на Марсе побывала?

– О-о-й, – недоверчиво протянула Феня. – Чё-то мне не по себе стало...

– Погодь, не умирай! Есть таки учёные, которые изучают инопланетянов и летучие тарелки. Фуфологи, кажись, называются. Так вот, оне рассказывали, что эти инопланетяны прилетают на своей посудине, воруют наших людей, изучают их, производят над ними каки-

то опыты, а потом кладут на то место, где взяли. Токо одне ворованные шибко умными становятся, а у других припадки на голову случаются. Во, каки дела творятся!

– Свят-свят, – помахала рукой перед лицом Феня – напридумывал каку-то нечисть!

– Вот те крест! Пушай мне метеритом стукнет!

И «дикторша», вооружённая версией деда Макси, побежала дальше. Надо успеть, ведь к вечеру вся деревня должна знать, что Ритка побывала у марсиан и теперь совсем не дружит с головой.

А виновница переполоха в это время, смыв по настоянию бабы Лизы «штукатурку» с лица и скинув парик, обняла её и, прижавшись к плечу, рассказывала о своём городском житье-бытье. С каждым словом она будто освобождалась от груза в душе, который в последнее время всё больше и больше угнетал её, создавая чувство жизненного дискомфорта. Баба Лиза, слушая её, давно порывалась что-то сказать внучке, но понимала, что нельзя сейчас вмешиваться, надо дать высказаться до конца, чтобы не замкнулось родное дитя в себе. Пусть выйдет из сердца тягость, пусть оно запоёт, как прежде. И только тогда, когда Рита замолчала, баба Лиза, ещё крепче обняв внучку, тихо спросила:

– Помнишь, что я говорила, когда ты уезжала в город?

– Помню: «Цельной будь. Не разбазаривайся по мелочам. Потеряешь себя – потеряешься в жизни».

– Запомнила, значит?

– Запомнила. Потому и рассказываю сейчас тебе всё. – Рита потёрлась щекой о руку бабы Лизы. – Ба, ты у меня самая мудрая, самая родная...

– Вижу, однако, подрастерялась ты малость. Приехала вся на себя не похожая, и нутром, и наружностью. Ну, вот что, девонька, попробовала городской жизни – и будет. Не для нас она. Пора домой возвращаться. Проживём и выучимся без больших денег. Зато душа не будет маяться, здесь ей место. А учиться можно и заочно, как Санька твой.

– Ба, ты опять? Ну, какой он мой?

– Да твой, твой. Просто ты сама ещё не поняла этого. Найдёшь себе в городе хлыща какого, нахлебаешься. А Санька, он надёжный! В жизни ведь как случается? Живёшь рядом со своей судьбой и не ведаешь о том. А когда узнаешь – поздно уж бывает. Гляди, девка, не играй со счастьем в прятки.

Обе замолчали. Елизавета, теребя косу внучки, думала: как бы половчее сделать так, чтобы Рита всерьёз заинтересовалась Санькой? Он ведь ещё в школе за внучкой ходил как прирванный, а она всё хихикала, коза этакая! Не понимает, что в жизни легко проскочить мимо счастья своего. И Рита в это время думала о том же. Она часто задавала себе вопрос: что же это такое – счастье? Какое оно? Как его распознать, не пропустить? Вспомнилось, как Ларискин муж увивался вокруг своих девчонок, как светились глаза подружки при взгляде на него и дочку. И вдруг вздрогнула от неожиданной мысли: «Вот оно, простое человеческое счастье, без всяких выкрутасов, без всяких запредельных желаний. А что для этого нужно? Только одно: чтобы нашлись в этом мире люди, которым невозможно жить друг без друга ни единого часа, ни одной минуточки, чтобы чувствовали один другого и рядом, и на расстоянии. Любовь! И неважно, какой она будет: короткой или долгой. Главное, чтобы она была! Тогда и счастье окажется счастливым. Да, именно – счастливое счастье! Так, конечно, говорить неправильно, но зато по жизни это сочетание – очень даже верное!»

Баба Лиза, передумав свои мысли, нарушила молчание первой:

– Да'веча нам с Феней чё наговорила-то? Переведи на разумный язык.

– Да пошутила я, хотя говорила о серьёзном. А значит это вот что. – Тут Рита призадумалась, как проще всё объяснить, чтобы «ба» поняла. – Наш президент собрал министров на заседание и сказал, что наша главная задача сегодня – доказать Западу, что наша страна вовсе не отсталая и умеет хозяйствовать. Заграница важно заявляет, что Россия стала сырье-

вым придатком Запада, то есть разбазаривает свои богатства, продавая их другим странам вместо того, чтобы перерабатывать и продавать на Запад готовую продукцию. Расцвёл пышным цветом терроризм. Страну душит коррупция. Многие коррупционеры, наворовавшись вдоволь, эмигрировали за границу. Советник президента господин Ястржембский заявил: надо изживать западное предпринимательство в России, меньше завозить импортных продуктов, больше производить своих. Ну, примерно так.

– Ну, вот это совсем другое дело. Слов, правда, много непонятных, но всё же больше похоже на человеческий язык. Неужто нельзя было обойтись без дури-то? – Баба Лиза укоризненно покачала головой.

– Да ладно, ба, не ругайся. Был у нас КВН в институте между двумя группами, там и напридумывали. Взяли отрывок из газетных новостей и «перевели» на современный язык.

– У-у-у! На ваш бы современный язык да старое испытанное средство – ремень. Разве ж можно своего президента, как в тюрьме, обзывать паханом? Он же – голова всему государству! Понимать надо...

– Ба, слово «пахан» сейчас употребляют и как «глава, руководитель». Глупость, конечно, сморозили, но, с другой стороны, в телевизионном КВН тоже президентов обсуждают.

– Ну, да! Худой-то пример заразителен.

– Да я и сама теперь понимаю, что дурь всё это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.